

А. Грин

Джесси и Моргиана

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А. Грин**
Джесси и Моргiana / А. Грин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 116 с.

ISBN 978-5-4241-2121-0

"Джесси и Моргiana" - роман о любви и ненависти, о добре и зле, об истинной красоте, бескорыстии и коварстве, о верной дружбе и жестоком предательстве.

На что способна некрасивая женщина, которая смертельно завидует молодости, красоте и обаянию своей единственной младшей сестры?

ISBN 978-5-4241-2121-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Грин, 2021

Александр Степанович Грин
Джесси и Моргиана

*Автор посвящает эту книгу Нине
Николаевне Грин*

*Рассудок тут бессилён, а потому не
тратьте ваших доводов. Довольно бу-
дет сказать вам, что вопрос касается
сердечных дел.*

Р. Стивенсон. Сент-Ив

Глава I

Существует старинное гаданье на зеркалах: смотреть через зеркало в другое зеркало, поставленное напротив первого так, что они дают взаимное отражение – сияющий бесконечный коридор, уставленный параллельными рядами свечей. Гадающая девушка (так гадают только одни девушки) смотрит в тот коридор; что она там увидит – то, значит, с ней и случится.

Однажды, – было это весной, в половине двенадцатого часа вечера, – девушка Джесси Тренган забавлялась вышеописанным способом, сидя одна у себя в спальне. Она поставила против туалетного зеркала второе, зажгла две свечи и воззрилась в сверкающий туннель отражения.

Джесси Тренган через месяц должен был исполниться двадцать один год. Это была своенравная, веселая и добрая девушка. Описать ее наружность – дело нелегкое. Бесчисленные литературные попытки такого рода – лучшее тому доказательство. Еще никто не дал увидеть женщину с помощью чернил или типографской краски. Случается изредка различить явственно лоб, губы, глаза или догадаться, как выглядят за ухом волосы, но более того – никогда. Самые удачные иллюстрации только смущают; говоришь: «Да, она могла быть и такой», – но ваше скрученное или разбросанное впечатление всегда иное, хотя бы оно было бессильно дать точный образ. Переход к дальнейшему непоследователен, но необходим: у Джесси были темные волосы, красивое и открытое лицо, стройное и привлекательное телосложение. Ее профиль вызывал в душе образ втянутого дыхания к нижней губке лепестка, а фас был подобен звонкому и веселому «здравствуйте». В понятие красоты, по отношению к Джесси, природа вложила свет и тепло, давая простор лучшим чувствам всякого смотрящего на нее человека, за исключением одного: это была ее родная сестра, Морггиана Тренган, опекунша Джесси.

Сидя перед зеркалом с насмешливой, но довольной улыбкой, Джесси вдруг почувствовала стеснение; затем – раздражение и досаду. Так всегда действовала на нее всякая неожиданная помеха со стороны Морггианы.

Появась в комнате, Морггиана сказала:

– О, Джесси! Как тебе не стыдно? Разве ты не изучила еще свое лицо?!

Джесси оторвалась от забавы, но не ответила по причине, которую мы сейчас поймем. Насколько хороша была младшая сестра, настолько же безобразна и неприятна была старшая. Но ее безобразие не возбуждало сострадания, так как холодная, терпкая острота светилась в ее узких, темно высматривающих глазах.

Среди некрасивых женских лиц огромное большинство их смягчено – подчас даже трогает – достоинством, покорностью, благородством или весельем. Ничего такого нельзя было сказать о Морггиане Тренган, с ее лицом врага; то было безобразие воинственное, знающее, изучившее себя так же тщательно, как изучает свои черты знаменитая актриса или кокетка. Морггиана была коротко острижена, ее большая голова казалась покрытой темной шерстью. Лишь среди преступников встречаются лица, подобные ее плоскому, скуластому лицу с тонкими губами и большим выражением рта; ее жалкие брови придавали тяжелому взгляду оттенок злого и беспомощного усилия. С тоской ожидал зритель улыбки на этом неприятном лице, и точно, – улыбка изменяла его: оно делалось

ленивым и хитрым. Моргiana была угловата, широкоплеча, высока; все остальное – крупный шаг, большие, усеянные веснушками руки и торчащие уши – делало рассматривание этой фигуры занятием неловким и терпким. Она носила платье особо придуманного покроя: глухие и черствые, темного цвета, окончательно зачеркивающие ее пол и, в общем, напоминающие дурной сон.

Отец сестер умер четыре года тому назад; за год раньше умерла мать.

Джон Тренган был адвокатом, жил широко и не оставил наследства; Джесси получила большое наследство от дяди, брата отца, а Моргiana, – назначенная опекуницей сестры до ее совершеннолетия, – имела, по завещанию этому, небольшое поместье с каменным домом, названное «Зеленой флейтой»; весь остальной капитал – сорок пять тысяч фунтов и большой городской дом – принадлежал Джесси.

Против мрачной фигуры сестры шелковый японский халат Джесси был нестерпимым напоминанием о разнице между ними, а также – об их возрастах: тридцати пяти – Моргiana и двадцати – Джесси.

– Тебе нет нужды гадать о женихах, – продолжала Моргiana, наслаждаясь мрачностью девушки, – больше, чем надо, будет их у тебя. Джесси вспыхнула и резко толкнула зеркало, которое чуть не упало.

– Зачем ты издеваешься надо мной, Мори? Мне рассказала горничная, что есть такое гаданье. Я забавляюсь. Почему это тебя так злит?

– Да, злит, и будет всегда злить, – ответила Моргiana с откровенностью постороннего человека в отношении себя самой. – Посмотри на меня, а затем обратись к своему любимому зеркалу. Такой урод, как я, обязан раздражаться, видя твое лицо.

– Разве я виновата, Мори? – с упреком произнесла девушка, и ей стало жалко сестру. – Представь, я так привыкла к тебе, что не знаю даже, хороша ты или дурна!

– Я дурна. Безжалостно, безобразно дурна.

– Зачем ты меня так ненавидишь? – вскричала Джесси, с отчаянием всматриваясь в пристальные глаза Моргiana. – Уже давно мучаешь ты меня такими сценами. Я не знаю, не знаю, почему мы с тобой родились такими разными! Поверь, я часто плачу, когда вспоминаю о тебе и твоих страданиях!

– Я ненавижу тебя, – тихо ответила Моргiana, с ревностью изучая взволнованное лицо сестры, которому игра чувств придавала еще большую прелесть. – Я тебя очень люблю, Джесси. Люблю тебя внутреннюю. Но наряд твой, праздник твоего лица и красивого, стройного тела, – мне более чем ненавистен. Я хотела бы, чтобы от тебя остался один голос; тогда и мои слова были бы так же нежны, так же искренни и натуральны, как твоя детская речь.

– Я не виновата, – растерянно повторила Джесси. Бесстыдные душевные содрогания Моргiana внушали ей страх; хотя часто она наблюдала их, но жестокая откровенность сестры всегда угнетала ее.

– Все, что ты говоришь, понятно, – продолжала Джесси. – Я все понимаю. О, если бы ты смягчилась! Будь доброй, Мори! Стань выше себя; сделайся мужественной! Тогда изменится твое лицо. Ты будешь ясной, и лицо твое станет ясным... Пусть оно некрасиво, но оно будет милым. Знай, что изменится лицо твое! – повторила Джесси так горячо, что прослезилась и засмеялась.

– Девочка, что ты знаешь об этом? – пробормотала Моргiana. – Ты не знала

никогда моих мук и никогда не узнаешь их. Они безобразны, как я.

– Я часто думала, – сказала Джесси, – о загадке рождения. Мы родились от одних и тех же людей: матери и отца наших, но почему ты вынуждена терзаться, а я – нет?

– Я тоже думала об этом, – ответила, помолчав, Моргиана, – и мне одно объяснение кажется правильным, как оно ни чудовищно по своему существу. Ты не ребенок, и тебе следует знать о рисунке, который висел в спальне нашей матери, когда она была беременна мной. Это был этюд Гарлиана к его картине «Пленники Карфагена», изображающей скованных гребцов галеры. Этюд представлял набросок мужской головы, – головы каторжника – испитого, порочного, со всеми мерзкими страстями его отвратительного существования: смесь шимпанзе с идиотом. У беременных женщин бывают необъяснимые прихоти. Наша мать приказала повесить этюд напротив изголовья своей кровати и подолгу смотрела на него, привлекаемая тайным чувством, какое вызывала в ее состоянии эта повесть ужаса и греха. Впоследствии она сама смеялась над своей причудой и ничем не могла ее объяснить. Мне было восемнадцать лет, когда мама рассказала мне об этом случае; при этом ее глаза наполнились слезами, и она гладила меня по щеке, склоняясь надо мной с тревогой и утешением. Впоследствии я нашла в сочинениях по патологии указания на восприимчивость беременных женщин к зрительным впечатлениям. Не ясно ли тебе, что мать нарисовала меня сама?

Стараясь не понимать, о чем говорит Моргиана, Джесси, беспомощно напряженная и порозовевшая, сидела, широко раскрыв глаза.

– Этого не могло быть, Мори; это лишь мнительность, – утешала она сестру.

– Что-нибудь другое, чего мы не знаем. Будь добра, прекратим такой разговор, он очень тяжел.

– Ты права, – сказала Моргиана, – существо, подобное тебе, имеет право возмущаться страданиями и не подпускать их к своей особе. Я не могу вызывать любовь, и потому я не скоро еще научусь делать приятное.

Эти слова, сказанные равнодушно, без горечи и надежды, сильно потрясли Джесси.

– О, Мори! – воскликнула она, стараясь притянуть к себе каменную руку сестры. – Ты нуждаешься в любви? Люби меня, но просто, и я буду тебя любить всем сердцем. Ведь ты – сестра моя!

– Довольно, – сказала Моргиана, освобождая руку и хмурясь. – Сейчас я очень далека от тебя и не слышу твоих слов. Я пришла не для упражнений в чувствах. Не согласишься ли ты переехать в «Зеленую флейту» на то время, пока здесь будет происходить ремонт?

Джесси молчала, всматриваясь в сестру. Хотя была она взволнована и расстроена, нечто, подобное едва слышным шагам подкрадывающегося человека, внушило ей прямой и твердый ответ.

– Нет, – сказала она, и ее правдивое лицо повторило эти слова.

– Нет?

– Нет, Мори, нет, – повторила Джесси, стараясь быть шутливой. – «Зеленая флейта» действует мне на нервы. Там очень глухо. Мне жаль, конечно, но я предпочитаю остаться здесь.

– Ты не намерена, однако, просидеть в Лиссе все лето?

– Отнюдь. Я, может быть, поеду к Еве Страттон, в ее виллу «Цветущий горошек».

– Как хочешь, – проговорила Моргана, не считая уместным настаивать и обдумывая свое. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Мори, – зевнула Джесси, потягиваясь. Она встала. Моргана напутственно улыбнулась ей и ушла.

Глава II

Джесси, или Джермена Тренган, была девушкой, не представляющей ничего особенного на требовательный взгляд искателя даровитой оригинальности или грациозного тщеславия. Она была большей частью погружена в свои мысли, а впечатлению отдавалась полностью, если оно захватывало ее. Все мысли имели для нее интерес новизны, – безразлично, думал ли кто-нибудь одинаково с ней или нет о каком-либо обстоятельстве. Она не заботилась о впечатлении, какое производила на окружающих, и не подозревала, что ее естественность в речах и поступках заставляет ум работать сильнее, чем очарование девушки-вундеркинда, преследующей модные цели, предписанные последней книгой шестимесячного пророка. Иногда она подозревала, что ею любят, – по поводу, неясному для нее, – и, оставляя причину на совести заподозренного, улыбалась с совершенно сознательным кокетством. Она любила музыку, сама же играла плохо, но ничуть не терзалась этим. Ни попыток рисовать, ни тщеты настроить стихи и никакого подобного тому любительского зуда не было у нее, как будто природа, утомясь творить сложные существа, не знающие, что делать с собой, захотела отдохнуть, сказав: «Пусть она будет просто девушка». Со всем тем была она далеко не глупа, и ее сердце так же возмущалось и страдало, если сталкивалось со злом, как сердце всякой представительницы женского пола, обратившей добрые чувства в свою монополию и употребляющей их согласно параграфам. Она была проста, но такой простотой, к которой других приводит лишь трудный и болезненный опыт. Для сравнения, раз дело идет о женщине, мы приведем избитый пример: драгоценное платье, выглядевшее так, как будто за него заплачено по всем доступной цене.

Следующим утром Джесси встала не в духе, но, бросив взгляд на туалетное зеркало, не смогла удержаться от улыбки. Всегда ее удивляло разноречие отражения и внутренних ощущений при дурной минуте: молодая девушка в зеркале, с ее гладкими плечами и ясным взглядом, казалось, никогда не знает скверного настроения. В такие моменты Джесси чувствовала себя чуждой своему образу и сомневалась в его правдивости.

Взгляд на зеркало свил все же паутину с ее лица. Вчерашние мысли, возникшие после сцены с сестрой, досаждали ей, пока она причесывалась, но властвовать над ней не могли. По достижении совершеннолетия Джесси намеревалась отправиться в далекое путешествие с подругой своей, Евой Страттон, а по возвращении поселиться в Унгане, чтобы не встречаться с сестрой. Пока она ничего не говорила ей об этом, но не могла, в глубине души, простить ей то страшное оружие, которым пользовалась Моргиана во время припадков душевного обнажения. Как ни жалела Джесси сестру, – разум ее отказывался исходить мукой по причинам непоправимым, как не могло бы зеленое дерево признать праведным гнет упавшего на него сухого ствола. Иное дело, если бы от нее зависело помочь Моргиане, – и она не однократно размышляла об этом, – Джесси не задумалась бы отдать богатство и красоту.

Ненависть есть высшая степень бесчеловечности, превращенная в страсть; тот счастлив, кто не испытал ее внимательного соседства. Джесси рассмеялась бы, если бы ей сказали, что Моргиана действительно ее ненавидит, и в ненависти

своей близка к тому, чтобы рыдать у ее ног, вымаливая прощение, как отдых от непосильной работы. Все другие женщины, красивые или хорошенькие, вызывали у Морггианы лишь горькое и злое волнение, готовое перейти в критику. Но Джесси стояла особо, как главное слово молодости и нежности. Для Морггианы была она – весь тот мир в едином лице, выросший рядом с ней.

Что касается Джесси, ею овладевала иногда легкая грусть, когда, под влиянием болезненного разговора с сестрой, она, проходя или проезжая улицей, отыскивала в толпе лица, беспощадно отмеченные природой, с тем, чтобы в чем-то оправдать их своим ясным и точным зрением. Но очень редко Джесси размышляла об этих трудных, больных вещах с бесстрашием рыцаря, пускающегося в страну чудовищ. Ее мысли, само собой, поворачивались к иным предметам мышления. Неестественное усилие рассеивалось, беспомощная философия рушилась, и Джесси возвращалась в свой мир, радуясь, что живет.

К завтраку Морггиана появилась степенной, со снисходительно насмешливым видом, как будто не она, а Джесси делала вчера вечером удушливые признания. Молчаливое, вопросительное настроение сестер от коротких замечаний перешло к разговору. Так как предстоял ремонт, Морггиана заявила, что на днях переедет в «Зеленую флейту», а Джесси сообщила, что временно переберется в библиотеку. Из библиотеки был отдельный выход; та часть дома, где помещалась Джесси, не требовала ремонта; почти во всех остальных помещениях оказались изъяны. После землетрясения минувшей зимы осыпались лепные карнизы, расстроилась пригонка дверей; во многих местах отстала штукатурка, порвав обои.

– Я буду просыпаться, – сказала Джесси, придя в хорошее настроение, – в библиотеке, бросая невежественные взгляды на ученые заглавия. Однако вся научная эманация заберется в меня. Я уверена, что к осени, когда ты вернешься, – но ты будешь ведь приезжать? – я стану, без причины, профессором. Великое дело – латынь!

Говоря так, она разбила яйцо и погрузила в рот полную ложечку его содержимого. Она медленно вынимала ложечку на сомкнутых губ, как внезапная мысль – «цыпленок не осуществился, погиб...» – некстати рассмешила ее. В скаредно-жалостной мысли этой – выскажи ее кто-нибудь серьезно – клокотала пышная глупость. По тайнству ассоциации, Джесси мгновенно представила чопорного человека, явившегося в общество при всем параде, но забыв надеть штаны. «Цыпленок есть принцип», – сказал он, достойно подрагивая волосатым коленом... Пища, залегшая среди белых зубов Джесси, остановилась, от ног до головы ее потряс смех; ни проглотить, ни выплюнуть набранное в рот она не имела силы и, не совладав, вся красная от страха закашлялась, Джесси прыснула смехом и яйцом прямо на стол.

– О, мне что-то весело! – через силу произнесла она, когда отдышалась и вытерла смешливые слезы. Взгляд Морггианы остановился на ней с замкнутым выражением. – Морггиана! Медведик ты плюшевый!

– Чем вызван твой припадок? – спросила ее сестра.

– Когда смешно, то все равно от чего смешно, – оправдывалась Джесси. – Теперь уже не смешно. А из яйца... – она одолела приступ веселья, иначе опять залилась бы хохотом, – мог выйти цыпленок. Это верно. Мори. Вот мне и стало смешно.

Если бы Моргiana не чувствовала так остро всю правду и невинную прелесть этой пустяшной выходки, ей было бы легче. Робко взглянув на сестру, Джесси выпрямилась, повела бровью и стала смотреть в тарелку. Тогда, из внезапной, фальшивой прихоти, которой устыдилась сама, Моргiana громко захохотала, и этот запоздалый смех по приказу сделал ее отвратительной.

После завтрака Моргiana поднялась первой, чтобы ехать – как она сказала Джесси – к нотариусу. Джесси не интересовалась деньгами; роль сестры в финансовых и нотариальных делах рассматривала она как подвиг. Они расстались миролюбиво. Затем Джесси вспомнила о билетах; она сказала: – «Ах, ах», – и попеняла себе.

Глава III

Вчера Джесси твердо решила развезти утром своим знакомым порученные ей десять билетов на спектакль в пользу престарелых музыкантов оперы. Она откладывала это три дня. Вчера стояла пасмурная погода; рассчитывая, что сегодня польет дождь, Джесси охотно постановила употребить дурной день для посещения семейств Ватсонов, Апербаумов, Гардингов и других неприступных крепостей, где только она, с ее небрежной и беззаботной манерой, могла пограбить, не вызывая особого раздражения, свойственного самолюбию, отлитому из золота. Как раз теперь дурная погода кончилась; небо и земля сияли, кричали. Уже с утра Джесси коснулась стрела движения, звукнув над ее ухом, как брошенное на бегу слово. Но по городу ей не хотелось ехать. «Завтра, завтра, не сегодня, – так ленивцы говорят», – рассеянно твердила девушка, начиная расхаживать по дому без цели, но с удовольствием, переходя из помещения в помещение. «А сегодня отдохну, завтра свой урок начну!» Мебель имела выспавшийся, оживленный вид: на лаке блестело солнце; высокие окна соединяли голубизну неба с раздольем паркета или ковром – матовыми лучами, переходящими на полу в золотой блеск. Джесси обошла все нижние комнаты; зашла даже в кабинет Тренгана, стоявший после его смерти нетронутым, и обратила внимание на картину «Леди Годива».

По безлюдной улице ехала на коне, шагом, измученная, нагая женщина, – прекрасная, со слезами в глазах, стараясь скрыть наготу плащом длинных волос. Слуга, который вел ее коня за узду, шел, опустив голову. Хотя наглухо были закрыты ставни окон, существовал один человек, видевший леди Годиву, – сам зритель картины; и это показалось Джесси обманом. «Как же так, – сказала она, – из сострадания и деликатности жители того города заперли ставни и не выходили на улицу, пока несчастная наказанная леди мучилась от холода и стыда; и жителей тех, верно, было не более двух или трех тысяч, – а сколько теперь зрителей видело Годиву на полотне?! И я в том числе. О, те жители были деликатнее нас! Если уж изображать случай с Годивой, то надо быть верным его духу: нарисуй внутренность дома с закрытыми ставнями, где в трепете и негодовании – потому что слышат медленный стук копыт – столпились жильцы; они молчат, насупись; один из них говорит рукой: „Ни слова об этом. Тс-с!“ Но в щель ставни проник бледный луч света. Это и есть Годива».

Так рассуждая, Джесси вышла из кабинета и увидела служанок, которые скатывали ковер. «Уже выколачивали третьего дня, – сказала Джесси, – зачем теперь выносить?»

Джесси не вмешивалась в хозяйство, но если на что-нибудь случайно обращала внимание, ей повиновались беспрекословно, – вздумай она даже отменить приказание Морганы. Для этого Джесси не делала никаких усилий. Служанки, две молодые женщины, поспешно объяснили, что ковры выносятся ввиду наступающего ремонта. При этом одна из служанок, Герда, машинально взглянула на трещину потолка. Джесси вспомнила землетрясение.

– Вы у нас уже служили тогда?

– Я служила, – ответила краснощекая, тугого сложения, Эрмина. – Герда поступила через неделю после того.

– Ну да, я припоминаю теперь, – сказала Джесси, рассматривая беловолосую